

РОССИЙСКИЙ ФЕДЕРАЛИЗМ: МЕЖДУ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫМ И ЭТНИЧЕСКИМ ИЗМЕРЕНИЕМ

Статья посвящена анализу специфики российского федерализма, соотношения этнического и территориального фактора в его становлении и развитии. Автор показывает противоречивость сложившейся в настоящее время модели федерализма, выявляет базовые проблемы его функционирования, предлагает пути совершенствования федеративных отношений с учетом политико-культурной специфики современной России.

A. Sidorenko

RUSSIAN FEDERALISM: BETWEEN THE TERRITORIAL AND ETHNIC DIMENSIONS

The article reveals the specific features of Russian federalism, the balance of ethnic and territorial factors in its development. The author shows the main contradictions in the existing model of federalism, the basic problems of its functioning, proposes the possible ways of improving federal relations in accordance with the characteristic features of Russian political culture.

Россия находится в одной из наиболее потенциально этноконфликтных частей планеты: на ее территории взаимодействуют культуры и цивилизации различного типа, находящиеся в пределах своих исторических ареалов; на территории страны, в пределах своей исторической родины, проживают народы, имеющие центры культурно-цивилизационного притяжения за пределами России. Все это создает сложную систему этно-культурно-цивилизационного взаимодействия на евразийском пространстве, а некоторые регионы страны, такие, как Северный Кавказ, в силу своего геополитического значения на протяжении столетий являются объектом, за обладание которым или влияние на который ведется скрытая и открытая борьба.

В силу целого ряда особенностей — обширная территория, многонациональный состав населения, неравномерность экономического, социального и культурного развития регионов — федеративное устройство представляется для России оптимальным. Неслучайно принцип федеративного устройства государства формально был провозглашен и закреплен в конституции РСФСР уже с начала 1918 г., а с 1922 г. и в конституции СССР.

Советский федерализм возник и развивался не как модель демократизации страны, а как способ решения национального вопроса. При этом если субъектами СССР были национальные союзные республики, то РСФСР ни в одной из конституций так и не определила своих субъектов. Не имея субъектов федерации, РСФСР практически сохраняла все признаки унитарного государства. Несмотря на это, федералистская идея прочно утвердилась в ряду тех общественно-политических идеалов, которые стали разделяться подавляющим большинством рядовых граждан и политической элиты страны.

Закреплению современной модели российского федерализма в Конституции нового суверенного государства предшествовала достаточно длительная дискуссия относительно путей национально-государственного устройства России. Высказывались диаметрально противоположные позиции: от сохранения незыблемости старой типологии субъектов федерации до возрождения унитарного государства или создания Русской республики как формы самоопределения русского народа.

Принятая в декабре 1993 г. Конституция Российской Федерации¹ закрепила поло-

жения, которые позволили преодолеть две крайности: с одной стороны, сепаратистские настроения республик (суверенитет вплоть до выхода из состава России), с другой – возврат к унитарной структуре регионов. Она уравнила субъекты Федерации в правах и положила в основу Российской Федерации не национальный, а территориальный принцип (источником власти во всей стране и в каждом субъекте Федерации является не этнос, не «титовая национальность», а все многонациональное население). Но поскольку в этот период сохранялась острота политических проблем, продолжался кризис государственного управления, не вошли в цивилизованные рамки процессы становления региональных сообществ, то Конституция Российской Федерации заложила лишь основные принципы, «общие правила» построения подлинной федерации.

В целом этнополитическая ситуация в 1990-е гг. характеризовалась развитием ряда объективно складывающихся тенденций и противоречий между:

- стремлением каждого народа к самоопределению, самоутверждению и объективными процессами интеграции общества в целом;
- возрастающей самостоятельностью субъектов Федерации и объективной потребностью сохранения и упрочения общероссийской государственности в интересах всех народов;
- тяготением к национально-культурной самобытности и исторически сложившейся духовной общности народов России.

Эти противоречия усугублялись рядом других негативных факторов, приведших к резкому росту межнациональной напряженности и конфликтов в ряде регионов страны. Среди них, на наш взгляд, следует особо выделить:

- большое социально-экономическое неравенство между регионами;
- нарушение прав человека, особенно в соблюдении единых стандартов в реализации социально-экономических благ;

- рост безработицы, особенно в регионах, располагающих избыточными трудовыми ресурсами;
- правовая неотлаженность земельных отношений;
- наличие взаимных территориальных претензий у ряда субъектов Федерации, особенно на Северном Кавказе;
- слабое законодательное регулирование межнациональных отношений;
- последствия вооруженного конфликта в Чеченской Республике.

Очаги межнациональной напряженности и конфликтов были, главным образом, сосредоточены:

- в местах, непосредственно прилегающих к границе с государствами, где имели место быть гражданские и межэтнические конфликты;
- местах сосредоточения и расселения беженцев и вынужденных переселенцев;
- районах проживания народов, которые вследствие распада СССР оказались разделенными государственными рубежами;
- регионах с неблагоприятной экологической обстановкой, создающей угрозу разрушения жизненной среды обитания народов;
- крупных городах со сложной криминальной ситуацией, нередко приобретающей этническую окраску;
- районах проживания малочисленных народов Крайнего Севера.

Осознание наличия серьезных проблем в функционировании российского федерализма, оказывающих влияние на общую ситуацию в стране, вызывающих ослабление управляемости политическими и социально-экономическими процессами, заставило В. В. Путина начать процесс реформирования федеративных отношений. Остановимся несколько подробнее лишь на тех аспектах реформирования, которые имеют непосредственное отношение к рассматриваемой нами теме.

Прежде всего, это касается вопроса о договорах с отдельными субъектами федерации. На первом этапе своей работы на

посту Президента В. Путин проявлял в этом вопросе твердость и жесткость. В результате основная часть договоров между Центром и субъектами, подписанных в годы президентства Б. Ельцина, была расторгнута. Однако в 2002 г. в федеративной политике В. Путина обозначился иной акцент. Он выразился, в частности, в новом, более терпимом отношении к договорам между Центром и регионами, к позициям национальных автономий. Связано это было, на наш взгляд, с осознанием того факта, что в настоящее время ставить вопрос о полной ликвидации существующей асимметрии вряд ли представляется целесообразным.

Во-первых, асимметрия постепенно ослабевала, права субъектов де-факто выравнивались. Это происходило не столько благодаря усилиям областных руководителей, сколько по мере укрепления Центра, которому все чаще удавалось настаивать на общих для всех правилах федеративной жизни.

Во-вторых, самым весомым аргументом против немедленного развертывания борьбы с асимметрией были серьезные политические опасности. Конечно, угроза государственного развала России (вслед за СССР) миновала, однако между идеальным состоянием государственных дел и государственным распадом лежит множество промежуточных сценариев, и чем ближе они в этой шкале к распаду, тем нежелательнее. Так что обострение внутрифедеративных отношений ради форсирования борьбы с асимметрией было чревато для России если и не распадом, то немалыми потерями.

В итоге договора с национальными образованиями стали не отменять, а корректировать, внося в них изменения, как это было, например, сделано с Договором о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Саха (Якутия)².

Самым ярким шагом В. Путина в реформе федерализма, знаменовавшим собой усиление территориальной, а не этнической составляющей, стало создание семи федеральных округов с семью полномочными представителями президента (полпредами)³.

Несмотря на определенную расплывчатость сформулированных в этом указе функций представителей Президента, очевидным было, что их главная задача заключалась в том, чтобы предотвратить раскол Российской Федерации, контролировать губернаторов и президентов национальных республик, которые пытались выйти из-под контроля Центра. И первое, что удалось сделать — это навести определенный порядок в правовой сфере, приведя республиканское (как, впрочем, и региональное) законодательство в соответствие с федеральными нормами.

Началось решение и проблемы национальных округов. Их неэффективность как формы социального патронажа над коренными малочисленными народами становится все более очевидной. Автономный статус округов зачастую используется пришлым этническим большинством для того, чтобы бесконтрольно, не оглядываясь на федеральный центр, эксплуатировать природные ресурсы данных территорий в ущерб интересам развития коренных малочисленных народов. В этих условиях начала проводиться целенаправленная политика на их объединение с соответствующей областью или краем.

В целом, отмечая несомненные успехи в стабилизации политической ситуации в стране, ликвидации угрозы ее распада на данном историческом этапе, следует, на наш взгляд, осознать, что, решив тактические задачи, федеральная власть пока оставляет не решенными задачи стратегические. Проблемы на самом деле не решены, а лишь временно смягчены. И здесь речь должна идти не только, а может быть, и не столько о Чеченской республике, поскольку это — случай исключительный,

сколько о проблемах, выходящих далеко за пределы одного субъекта федерации.

Как справедливо, на наш взгляд, подчеркивает Э. Паин, «во-первых, это противоречие между растущей этнической регионализацией и объективной потребностью политической интеграции российского общества; во-вторых, противоречие между равноправием, гарантированным Конституцией России, и фактическим неравенством региональных возможностей граждан разных национальностей в реализации своих потребностей, а также неравенством возможностей этнического развития, вплоть до отсутствия гарантий самосохранения некоторых малочисленных этнических групп»⁴.

По мнению Д. Тэпса, «сохраняющиеся тенденции расширения межэтнических конфликтов, стремление национальных элит к переделу территорий, к большему суверенитету, борьба за власть представляют собой угрозу для территориальной целостности страны и российской государственности в целом. Непосредственными источниками реальных угроз в сфере межнациональных отношений являются: попытки формирования на территории Российской Федерации анклавов по этническому принципу; углубление социально-экономического неравенства различных народов, этнических групп; рост этнических перемещений, миграция беженцев и вынужденных переселенцев; массовые нарушения гражданских прав и свобод в отдельных регионах»⁵.

Разнонаправленное влияние на этнополитическое развитие российского федерализма оказывают и демографические факторы. С одной стороны, как показали результаты переписи населения 2002 г., доля русских в населении страны составляет 82,95%⁶. Иначе говоря, по концентрации в стране представителей этнического большинства Россия занимает одно из первых мест среди крупнейших стран мира. Таким образом, несмотря на то, что, как отмечалось в итоговых документах: «Результаты

переписи еще раз подтвердили, что Россия является одним из самых многонациональных государств мира», формируемый образ этнически фрагментированной России далеко не столь однозначен.

В деятельности Организации Объединенных Наций для характеристики этнического состава населения применяется типология, построенная в терминах полярности, или полюсности. Соответственно, страны классифицируются по пяти типам. Первый — однополюсная структура — это явное численное преобладание одной этнической группы. Второй тип — двухполюсную или биполярную структуру составляют либо две основные группы, либо — среди многих групп — две примерно равные по численности, охватывающие более 60% населения. В трехполюсной этнической структуре или всего три группы, или же три большие группы в мультиэтничном населении. Наконец, есть страны с многополюсной структурой. Таким образом, этническую структуру России можно отнести к однополюсной, где доминирует одна этническая группа — русские, что, несомненно, играет важнейшую роль в обеспечении этнополитического консенсуса в обществе.

С другой стороны, происходит рост территориальной концентрации этнических общностей. Русское население сосредоточивается в краях, областях и в автономных округах и сокращается численно в большинстве республик. Представители крупнейших титульных национальностей российских республик увеличили свою численность и удельный вес в составе населения районов традиционного проживания и одновременно сократили свое присутствие в большинстве других регионов. И эта тенденция вряд ли переменится до 2010 г. Даже в условиях экономического подъема России и связанного с этим роста территориальной мобильности, смешения этнической структуры населения можно ожидать лишь в эпицентрах экономического роста. Пока такие процессы характерны в основ-

ном для Москвы и Петербурга. В то же время в ряде регионов этно-территориальная концентрация может принять затяжной характер, если не станет предметом государственного регулирования. Оно особенно важно в тех случаях, когда рассматриваемая тенденция является следствием оттока из республик русских и некоторых других этнических групп и сопровождается «утечкой умов», «вымыванием» квалифицированных кадров, а также понижением влияния светской интернациональной культуры по отношению к этническому и религиозному экстремизму. Конечно, речь здесь может идти только о косвенных, прежде всего экономических, средствах регулирования.

Таким образом, на сегодняшний день этнический вызов российскому федерализму порождает, на наш взгляд, следующие наиболее острые проблемы.

Первая проблема связана с сохранением этнического (точнее — этноконфессионального) сепаратизма. Если число вооруженных сепаратистов на территории Чечни резко сократилось, и ситуация — по крайней мере, в ее равнинной части — относительно стабилизировалась, то в соседних Дагестане и Ингушетии мы, наоборот, наблюдаем эскалацию насилия.

Вторая проблема заключается в том, что стабилизация ситуации, как в отдельных республиках, так и в стране в целом, достигнута за счет усиления авторитарных тенденций. При этом в наиболее проблемных в этнополитическом отношении регионах их руководители практически получают своего рода «карт бланш» на любые действия, в том числе нарушающие гарантированные Конституцией РФ права и свободы граждан, в обмен на лояльность федеральному центру. Наиболее ярким примером служит здесь Чеченская республика и ее президент Рамазан Кадыров.

Третья проблема заключается в том, что по старой традиции распространяется трактовка государственности республик как формы самоопределения «титულიной»

нации. В условиях, когда границы расселения народов далеко не совпадают с границами субъектов Федерации (только треть народов, давших наименование республикам и автономным образованиям, проживает в их пределах, а в большинстве из них «титულიная» нация в своей численности составляет менее половины населения), такого рода этнизация, с соответствующим распределением властных полномочий, подбором кадров, формированием трудовых коллективов и т. д., ведет зачастую к национальной и клановой солидарности, усиливает межэтническую напряженность. При этом этнические аргументы в пользу желаемого устройства государственной власти чаще всего эмоционально окрашены и представляются иррациональными. Однако представляется, что эта иррациональность в значительной степени иллюзорна. Этнические аргументы при ближайшем рассмотрении оказываются плохо замаскированными интересами республиканских этнических элит, стремящихся к полному контролю над материальными ресурсами на своих территориях, ресурс власти им нужен как инструмент передела собственности в свою пользу. Именно это обусловило переход региональных элит в «национальных» республиках к этнической модели легитимизации власти.

Четвертая проблема связана с актуализацией в последнее время так называемой «русской проблемы». С точки зрения ее воздействия на федерализм необходимо отметить следующие ее проявления. Во-первых, ухудшение общего психологического самочувствия русских, ослабление их традиционной межэтнической толерантности и усиление проявлений ксенофобии, а также опасность использования подобных настроений экстремистскими националистическими группами. Во-вторых, продолжающийся отток русского населения из большинства республик Российской Федерации, нарушающий сложившийся баланс этнополитических сил и интересов. В-третьих, недостаточное участие русских

в политической жизни ряда регионов, включая и те, где они являются численно наибольшей этнической общностью, как по причине существующих в некоторых республиках политико-правовых ограничений, так и в силу их собственной слабостью политической активности и самоорганизации.

Попытка власти перехватить инициативу у националистов, обвиняющих внутренних и внешних врагов в геноциде русского народа, пока особым успехом не увенчалась. Однако именно от ее решения во многом зависит возможность предотвращения и периферийного этнического сепаратизма, и межнациональных конфликтов.

Таким образом, функционирующая в настоящее время модель федерализма, хоть и способствовала смягчению этноконфессиональной напряженности в стране, не смогла создать в российском обществе атмосферу этнополитического консенсуса. И одна из главных причин, на наш взгляд, заключается в том, что сама по себе эта модель выглядит далеко не бесспорной и, по большому счету, весьма уязвимой для критики.

Дискуссия по поводу российского федерализма разворачивается в настоящее время в двух взаимосвязанных сферах — теоретической и практической.

С точки зрения теории, дискуссия по поводу российского федерализма, главным образом, ведется между примордиалистами и конструктивистами.

В рамках примордиалистского дискурса Россия признается уникальной «многонациональной» страной, населенной народами-этносомами (или нациями), коллективное самоопределение которых предполагает наличие в структуре федеративного государства особого типа субъектов — «национальных» республик. Федерализм интерпретируется при этом по преимуществу как оптимальный механизм «национальной» (этнической) политики. Соответственно, приверженцы этого подхода настаивают на необходимости и впредь сохранять в соста-

ве федеративного государства два десятка субъектов, имеющих особый государственный статус и сопряженные с этим статусом особые привилегии и полномочия. Они уверены в том, что «национальная специфика» населения республик служит достаточным основанием требовать перераспределения совокупного бюджета федеративного государства (в форме особых бюджетных отношений с федеральным Центром, эксклюзивных налоговых прав, трансфертной политики, дотаций и проч.) в пользу этногосударственных субъектов Российской Федерации. Сама Российская Федерация в ее нынешнем виде трактуется как сформированная усилиями территорий, преимущественно — этногосударственных образований, «снизу». Соответственно отечественная модель федеративной государственности интерпретируется как «договорная».

В целом, этническая государственность трактуется в качестве особой интегрирующей формы политического самоопределения совокупного этнического коллектива. Этнос как носитель коллективной правосубъектности выступает при таком подходе в качестве субъекта самоопределения и зачастую интерпретируется в качестве субъекта государственного суверенитета.

Конструктивистский подход, напротив, предполагает постепенную деполитизацию этничности. Наличие в составе Российской Федерации этногосударственных субъектов признается при таком подходе серьезным конфликтогенным фактором, провоцирующим напряженность в отношениях как между субъектами федерации, так и между этническими общностями на территории «национальных» республик и в стране в целом. Политическое самоопределение «этносов» в этом случае трактуется при этом как форма этнической и языковой дискриминации представителей «нетитульных» этнокультурных групп. Модернизация Российской Федерации представляется в этой парадигме эволюционным процессом унификации статусов, прав и обя-

занностей всех субъектов федеративного или унитарного (земель, «губерний») государства. Конечной целью модернизации признается либо демократическая форма территориальной федерации со значительно укрупненными субъектами, либо демократическое унитарное государство.

Сторонники данного подхода настаивают на конфликтогенности принципа асимметричной федерации и заявляют о неправомерности конституирования особых статусов и прав «национальных» республик в составе России. Соответственно, перераспределение федеральных доходов расценивается как проявление этнической и региональной дискриминации в отношении представителей «нетитульных» этнических групп и административно-территориальных субъектов федеративного государства.

Для тех, кто не склонен политизировать этничность, очевидно, что сам феномен двустороннего эксклюзивного вертикального договора есть прямое следствие этнической мобилизации, предпринятой постсоветскими этнополитическими элитами с целью обеспечения эксклюзивного правового статуса и особых налоговых льгот и привилегий так называемых «национальных» республик, во-первых, и эксклюзивного положения представителей так называемых «титульных» этнических общностей, во-вторых. Они настаивают на конституционной природе российского федерализма, поскольку к моменту подписания двусторонних соглашений Российская Федерация уже существовала как суверенное государство, и вертикальные договоры заключались между федеральным Центром и отдельными субъектами.

В рамках конструктивистского подхода субъектами суверенитета федеративного государства являются не народы-этноты, и не квазигосударственные образования, заявившие о своем суверенитете от имени «титульных» этнических групп, а его граждане. Отсюда вытекает, что суверенитетом в федеративном государстве обладает только само это государство, а субъекты феде-

ративных отношений обладают той или иной степенью автономии, определенной разграничением полномочий между федеральным и региональным уровнями государственной власти.

Таким образом, в теоретическом плане мы имеем дело с противостоящими друг другу двумя антагонистичными по своей сути концептами: первый состоит в обосновании правомерности этнизации государственности и политики, второй выражается в требовании деэтнизации этничности и деэтнизации политики.

С точки зрения практической реализации дискуссия ведется между сторонниками двух различных подходов к устранению противоречий между целями этнонационального и общегражданского развития в рамках федеративных государств: *унификационному* и *адаптационному*.

Унификация может проявляться в строительстве федерации либо на основе исключительно этнического федерализма (это означает, в частности, формирование так называемой «русской республики»), либо на прямо противоположной основе — полном изгнании этничности из федеративных отношений, «губернизации» федерации.

Первый представляет опасность тем, что может усилить вытеснение русских и национальных меньшинств из «чужих» республик и даже породить этнические чистки. Второй сценарий, бесспорно, будет воспринят в штыки этническими элитами, у которых сохраняется возможность мобилизации населения республик на открытую борьбу с федеральным центром.

Поскольку в современных условиях представляется крайне опасным ломать уже сложившиеся формы федеративных отношений, то задача, на наш взгляд, заключается в том, чтобы как можно полнее адаптировать их к обслуживанию как национальных, так и общегражданских задач развития российского общества.

Подобный подход может быть реализован в *сценарии этнополитической интегра-*

ции, предусматривающем сохранение этнической специфики регионов и достраивание каркаса единых связей и отношений в рамках федерации.

В общих рамках интеграционного подхода заслуживает внимания и национально-консервативный проект перехода от многонационального государства как непрочного и противоречивого образования к государству национальному на базе существующих этнических реалий. Он находится в русле процесса поиска над- или сверхнациональной идеи. Приверженцы «русской национальной идеи» полагают, что Россия может сохраниться как жизнеспособное государство только с опорой на русский народ, путем формирования российской национальной идентичности. Национально-консервативный проект предлагает снятие «многонациональности» как проблемы путем реорганизации идеи «выведения этноса из политики» с одновременным разнесением полномочий с уровня субъектов Федерации на более высокий и более низкий уровни.

Этому подходу соответствует и ряд мер, уже реализованных властью. В первую очередь это касается формирования семи надрегиональных административных единиц — федеральных округов. Перенос властных функций «наверх», в округа должен сопровождаться параллельным укреплением местного самоуправления, превращению местного уровня власти в реальную альтернативу псевдоэтническим «удельным княжествам». Поскольку большинство этнических конфликтов возникает на местном уровне, в повседневной жизни людей, зачастую именно местные власти оказываются более эффективными в урегулировании и предотвращении этих конфликтов, чем региональные и федеральные власти.

По мнению В. Смирнова, «новый (сбалансированный) федерализм должен сочетать в себе единую, но не единообразную, и гибкую правовую систему с иерархической соподчиненностью федеративных конституции, законов и конституций,

уставов и законов субъектов федерации; единые стандарты прав и свобод граждан; широчайшее местное самоуправление с национально-культурной автономией для всех проживающих на территории страны этносов и этнических групп; сосуществование общенациональной системы ценностей и приоритетов с плюрализмом этнических, конфессиональных, групповых и региональных культурных и социально-политических ценностей, традиций и предпочтений»⁷.

Ключевым фактором, который может обеспечить единство страны и решение основных и наиболее конфликтных национальных проблем в условиях федеративного устройства, является обеспечение равных условий жизни граждан вне зависимости от места их проживания, относительно равного распределения по регионам общероссийских стандартов качества жизни.

Представляется, что для достижения этнополитического консенсуса в обществе, который бы способствовал укреплению российской государственности в его федералистской форме, необходимо сконцентрировать усилия как органов государственной власти, так и институтов гражданского общества на следующих базовых направлениях:

- формирование идеологии приоритета прав личности перед правами всех надличностных социальных структур и прав гражданского общества перед правами государства;
- дальнейшее развитие нового элемента в общественном сознании, представляющего собой сочетание российского гражданского сознания и национально-этнического сознания; единства патриотизма и интернационализма, освобожденного от социально-классового содержания и наполненного идеалами и ценностями гражданского общества;
- развитие и углубление территориальных основ федерализма в сочетании с развитием системы национально-культурных

автономий как способа общественной самоорганизации этнических меньшинств в полиэтничном обществе, как средство выявления и удовлетворения своих самобытных традиций, языка, образования, культуры. «Не вместо, а вместе с национально-государственными образованиями национально-культурная автономия является важнейшей формой самоопределения народов Российской Федерации»⁸;

- достижение единства взглядов на фундаментальные основы российской этнополитики на основе признания приоритетности задачи формирования гражданской «русской» нации», формирования

того объединяющего чувства, которое было названо Ю. Хабермасом «конституционным патриотизмом».

Представляется, что при всей сложности и противоречивости федерализма он является единственным эффективным средством управления огромной по территории и гетерогенной по составу своего населения страной в условиях нарастания процессов глобализации, ведущей, в частности, к возрастанию роли регионов не только во внутренней, но и во внешней политике государств, стремящихся к повышению уровня своей конкурентноспособности на мировой арене.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Конституция Российской Федерации с комментариями Конституционного Суда РФ. – М.: Инфра-М, 2003.

² См.: Российская газета. – 2002. – 02 октября.

³ См.: Указ Президента РФ от 13 мая 2000 г. № 849 «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1162025>

⁴ Паин Э. А. Этнополитический маятник. Динамика и механизмы этнополитических процессов в постсоветской России. – М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2004. – С. 78.

⁵ Тэкс Д. Концептуальные основы федерализма. – М.: Юридический Центр Пресс, 2002. – С. 115.

⁶ См.: Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.perepis2002.ru

⁷ Смирнов В. Способствует ли российский федерализм решению национальных проблем? / Этническое измерение федерализма [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.prof.msu.ru/publ/book/eif1.html>

⁸ Тишков В. А. Становление новой российской государственности: реальность и перспективы. (Открытый доклад). – М.: Гуманитарный и политологический центр «Стратегия»; Изд-во УРСС, 1996. – С. 79.